

В. МАКСИМОВСКИЙ

Идеи диктатуры у Макиавелли *

В политическом учении Макиавелли есть глубокое противоречие, которое давно возбуждало общий интерес исследователей. Каждый, кто изучал или даже только читал его основные работы «Discorsi» и «Il Principe», невольно задавал себе вопрос: как мог республиканец, демократ, включивший в «Discorsi» настоящую «похвалу народу» под заглавием: «Народная масса умнее и постояннее государя», сочинять в то же время по собственному почину в «Il Principe» советы единоличным правителям, случайным захватчикам власти, может быть даже тиранам? Этот вопрос, на разные лады ставившийся различными писателями свыше четырехсот лет, стали, в конце концов, считать какой-то загадкой. И каждый интересовавшийся работами Макиавелли исследователь пытался дать свое решение этой загадки. Нам кажется, что теперь есть достаточно данных для того, чтобы попытаться объяснить указанное противоречие с точки зрения материалистического понимания истории. Это даст нам очень ценный материал для изучения истории идеи диктатуры.

1. МАКИАВЕЛЛИ И ЕГО ЭПОХА

Учение Макиавелли живыми нитями связано с основными фактами его эпохи. Он сам был довольно крупным политическим деятелем. Активную роль Макиавелли играл, главным образом, в 1498—1512 гг., когда он был секретарем правительства Флорентийской республики и ездил с дипломатическими поручени-

---

* Настоящая статья — результат работы в Институте Маркса и Энгельса по изучению истории идеи диктатуры. Основная часть ее была прочтена в качестве доклада в секции истории Запада О-ва историков-марксистов в апреле 1929 г.

ями в разные страны. В это время во Флоренции господствовала буржуазная демократия, установленная при участии Савонаролы. По своему происхождению Макиавелли принадлежал к одному из знатнейших феодальных родов Флоренции, но феодальные права были там уже отменены, родители его, небогатые люди, принадлежали к числу юристов, и таким образом он воспитывался с детства в обстановке совершенно буржуазной. Всю свою жизнь он честно служил Флорентийской республике и был ближайшим помощником «гонфалоньера народа» Пьеро Содерини, когда олигархия Медичи в 1498 г. была свергнута и во главе республики стали более широкие круги флорентийской торговой буржуазии. В 1512 г. после падения демократии и восстановления Медичи он был смещен, обвинен в заговоре против нового правительства, подвергнут пытке, аресту в тюрьме и высылке из Флоренции. Во время высылки в 1512—1514 гг. написана основная часть его работ: «Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio» («Рассуждения на первую декаду Тита Ливия») и «Il Principe» («Государь») *. Позднее он написал «Dell' arte della guerra» («О военном искусстве»). Желая вернуться к активной политической деятельности, он посвятил книгу «Il Principe» одному из Медичи, которые в то время чувствовали себя еще недостаточно прочно у власти и правили очень умеренно. Однако он не добился ничего, кроме «легализации», возвращения на службу. Ему поручили написать историю Флоренции и послали несколько раз в ничтожные командировки. Папа Лев X (Джованни Медичи), очень ценивший беллетристические произведения Маккиавелли, предложил ему написать проект организации управления Флоренцией, и, таким образом, появилась еще одна интересная работа «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze» («Рассуждения о реформе Флорентийского государства»). Это произведение человека, который был перед тем 14 лет секретарем правительства республики, считался авторитетом в политических вопросах, было положено под сукно, очевидно вследствие его республиканского характера. В конце жизни Макиавелли закончил свою работу в качестве официального историографа Флоренции, написав 8 книг «Storie Fiorentine» («История Флоренции»), и вновь вернулся, наконец, к более активной политической деятельности в связи с походом в Италию императора Карла V. Но это продолжалось недолго: пережив новое падение Медичи, он умер в 1527 году.

* Ср.: *Mordenti Fr.* Diario di Niccolò Machiavelli. Firenze, 1880. P. 379—380, 505; *Villari P.* Niccolò Machiavelli e i suoi tempi. Milano, 1927. Vol. II. P. 40.

Макиавелли — крупнейший политический писатель времен Возрождения. Эта эпоха представляла собой, как известно, начало переходного периода от феодализма к капитализму в Западной Европе. Огромный рост ремесла, развитие торгового капитала привели к радикальной ломке старых феодальных отношений. Началась великая социальная революция, которая завершилась только в XIX веке установлением капиталистического способа производства и переходом власти в руки буржуазии. Переворот начинался с Италии, где было больше всего остатков античной римской культуры, и где поэтому наиболее оживляющим образом сказалось влияние арабов.

До сих пор еще мало исследованы итальянские революции XIV—XVI веков, результатом которых было свержение феодалов и отмена феодальных привилегий в итальянских мелких государствах *. Во всяком случае, родина Макиавелли — Флоренция — была тогда в промышленном отношении самым передовым государством Италии, а в торговом отношении конкурировала с Венецией **. Она избавилась от господства феодалов уже в 1343 году, и с тех пор в ней стояли у власти различные буржуазные группировки, если не считать кратковременного господства восставших ремесленников и рабочих — «чомпи» (в 1378 г.). Вышедшая из средней буржуазии купеческая семья Медичи в течение многих десятилетий управляла республикой. Медичи были европейского масштаба купцами и банкирами. Они давали займы королям, нанимали лучших военных руководителей (*condottieri*) для ведения войн и платили даже регулярно жалованье государственным деятелям союзных государств за поддержку своих замыслов в области внешней политики. Так, они были, например, в союзе с Людовиком XI, и крупнейший политик его царствования Филипп де Комин получал от них деньги. Позднее Медичи стали папами, герцогами, породнились с королями (французские королевы Екатерина и Мария Медичи). Только начавшаяся в Италии буржуазная революция могла вознести на такую головокружительную высоту рядовых купцов Флорентийской республики, избранников народа, ставших его тиранами.

История Италии того времени полна переворотов и войн. Все находится там в величайшем брожении. Сами римские папы,

---

* Ср. новую работу: *Clarke M. V. The Medieval City-State. London, 1926.*

** В тогдaшней Европе Флоренция была довольно значительным государством. Во всяком случае, усиленное подчеркивание малых размеров Флоренции, которое мы встречаем даже у некоторых из новых биографов Макиавелли (напр., *Oresto Ferrara*), по нашему мнению, неосновательно.

представлявшие собой в течение нескольких столетий вершину феодальной пирамиды в западноевропейском масштабе, здесь в Италии пытаются создать сильное светское государство: естественно, что они сталкиваются с подчиненными им феодалами средней Италии, и в ходе этой борьбы папский военный руководитель, сын папы Александра VI, Цезарь Борджиа, так называемый герцог Валентино, начинает создавать уже не папское, а свое собственное государство; громя феодалов, разрушая их власть, опираясь то на Францию, то на Флоренцию, он сколачивает «кровью и железом» это новое государство, стремясь к объединению под своей властью всей Италии*.

В то же время, пользуясь революционными потрясениями и войнами, французы, испанцы, немцы, все, кто только может, стремятся отхватить от Италии тот или другой кусок в свою пользу. Несколько раз проходят по ее территории эти иноземцы, на которых более культурные и передовые итальянцы смотрят как на варваров; богатейшие местности Италии подвергаются разгрому, и ей, несмотря на все усилия, не удается довершить начавшейся революции созданием единого национального государства, соответствующего потребностям капиталистической эпохи.

Общий характер движений, происходивших тогда в Италии, буржуазный, в том смысле, в каком употребляет Маркс это слово в характеристике английской революции XVII века и французской XVIII века: «То не была победа *определенного общественно-го класса* над старым политическим строем, то было лишь провозглашение политического строя для нового европейского общества**.

Вся эта торговая и ростовщическая буржуазия, ее вожди, ее политические и военные руководители играли революционную роль, двигали историю вперед, разрушая феодальный строй. Но они часто играли эту роль бессознательно, может быть преследуя субъективно иные цели. Кроме того, очищая путь для такого строя, который означает новую форму эксплуатации, и сами являясь по существу эксплуататорами, они применяли при этом те средства, которые свойственны именно эксплуататорам — угнетение, обман и грабеж.

* Ср.: Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1905. Т. I. С. 138 (со ссылкой на Ch. Yriartes); Couzinet L. «Le Prince» de Machiavel et la théorie de l'absolutisme. Paris, 1910. P. 72, 182; Prez-zolini G. Vita di Niccolò Machiavelli fiorentino. Milano, 1927. P. 121.

** Маркс, ст. в «Новой Рейнской газете» от 11 декабря 1848. См.: Aus dem liter. Nachlass von K. Marx etc. 1902. Bd. III. S. 211.

В обстановке революций и войн все обветшавшие феодальные декорации пали, и на арену истории вышла открытая классовая борьба, в которую каждый из борющихся между собой эксплуататорских классов стремился вовлечь широкие массы простого народа (по Макиавелли *la plebe*), т. е. прежде всего городские массы ремесленников и рабочих, а затем и крестьянство. Макиавелли жил в начале этой эпохи. Он был идеологом этой буржуазии. Гениальность его в том, что он продумал все перспективы своей эпохи и своего класса до конца. На основе своего обширного политического опыта и основательного знания античных политических сочинений он впервые в Западной Европе построил теорию нового буржуазного государства.

Лучше всего мы поймем историческое место учения Макиавелли, если вдумаемся в известную характеристику буржуазии той эпохи, данную «Коммунистическим манифестом». Здесь подчеркивается революционная роль буржуазии, ее борьба против феодального строя, за развитие торговли, производительных сил, за государственную централизацию. Здесь же указано и характернейшее явление эпохи — вторжение денег во все общественные и личные отношения, начиная с распределения продукта и кончая религиозными убеждениями людей. Этим объясняется трезвая, рационалистическая, полная неотразимой логики постановка всех вопросов у идеологов буржуазии того времени, сводящая все связи между людьми к «голому интересу, «бессердечному чистогану». Это открытие, не считающееся ни с какими феодальными понятиями — религиозными, моральными или правовыми, смелое и последовательное провозглашение новой всемирно-исторической позиции в области политики мы впервые встречаем в научной форме у Макиавелли, несмотря на то, что практически эта же самая постановка вопроса была намечена до него целым рядом политических деятелей той эпохи во всех попытках образования новых централизованных национальных государств на месте старых феодальных княжеств и уделов.

2. ИДЕИ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ У МАКИАВЕЛЛИ

В книге «Discorsi» Макиавелли высказывает свои основные политические идеи. Анализируя на основании истории Тита Ливия римский государственный строй, он дает нам изображение образцового с его точки зрения государства. Влияние политических мыслителей античного мира на Макиавелли было довольноно

значительно, однако в основном его социально-политический идеал сложился в обстановке Флорентийской республики *. Иногда он целиком исходит из демократической традиции своей родины, иногда он критикует ее, но всегда он блюдет интересы этого нового, противопоставляющего себя феодализму *купеческого* общества и государства.

Макиавелли — враг феодального строя. Он стоит за самое радикальное его разрушение, за полное искоренение всех его основ. Феодалы, светские и духовные, одинаково — паразиты, живущие за счет чужого труда. Они вредны во всякой республике. «Это отродье — заклятый враг всякой гражданственности» **. Весь феодализм — «честолюбивое тунеядство» (*ambizioso ozio*) ***.

Это означает прежде всего, что Макиавелли сторонник *политической свободы*. Проповедь политической свободы обязательна для всякого порядочного флорентийского гражданина. Она звучит весьма торжественно в той речи, черновик которой сохранился в бумагах Макиавелли ****. *Una libera libertà* — вот что восхищает Макиавелли у швейцарцев или в немецких городах, когда он посещает с дипломатическим поручением германского императора *****.

Он — сторонник *политического и гражданского равенства*. В новом правильно устроенном государстве, где нет феодальных привилегий, необходимо полное равенство 6*.

Несомненно, считаясь с интересами мелкой буржуазии, Макиавелли выдвигает также некоторые идеи *эгалитаризма*. Для образцовой, полной демократии мало политического равенства, нужно некоторое экономическое поравнение. Только такая рес-

* В дальнейшем мы оставляем в стороне те идеи Макиавелли, на которых особенно сильно сказалось влияние античных писателей. Это не имеет особенно большого значения для нашей темы, так как в области политической теории Макиавелли более оригинален, чем, положим, в области своих социологических идей. Ср.: *Ellinger G. Die antiken Quellen der Staatslehre Machiavelli's // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1888.*

** *Discorsi*, русский перевод: *Макиавелли Никколо. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869. С. 248.*

*** «*Discorsi*» («*Il Principe*» e «*Discorsi*») di Niccolò Machiavelli. Milano; Torino, 1860. P. 152 (русск. пер. С. 120).

**** *Oeuvres complètes de N. Machiavelli / avec une notice biographique par J. A. C. Buchon. Paris, 1867. Vol. I. P. 313.*

***** *Rapporto di cose della Magna // Opere di Niccolò Machiavelli. Italia, 1813. Vol. IV. P. 169.*

6* *Discorsi. С. 172.*

публика может быть прочной, в которой граждане не слишком превосходят друг друга в имущественном отношении. Макиавелли пишет про это в «Discorsi» и возвращается к этой мысли в «Discorso il riformare lo stato di Firenze» *.

Однако эти мысли не получают у него такого развития, как до него, хотя бы у Аристотеля, а после него у Руссо.

Макиавелли — сторонник *единого централизованного национального государства*. Современное понятие государства (stato, l'Etat, Staat), впервые складывается у Макиавелли и его современников. Мы можем систематически проследить образование этого понятия по его основным работам **.

Наблюдая социально-политический строй *Франции* в качестве посла при Людовике XII, он констатирует как величайшее достижение, тот факт, что здесь корона обуздала феодалов. «Раньше, — пишет он в «Ritratti del cose della Francia», — Франция не была объединена из-за могущественных баронов, которые были смелы и у которых хватало мужества затевать всякие предприятия против короля, так как он был всего только герцог Гиэни и Бурбонне, а теперь они очень послушны, и поэтому он более смел». В прежние времена, когда кто-нибудь нападал на Францию извне, всегда находился какой-нибудь герцог Бретанский, Бургундский, Фландрский, который открывал врагу дорогу в страну ***. Теперь, благодаря системе королевских доменов и обузданию феодалов, Франция стала единым государством.

Иначе обстоит дело в *Германии*, которую Макиавелли особенно пристально изучал во времена Констанцкого сейма в 1508 г., когда он был послан туда с весьма ответственным информационным поручением. В цитированном уже отчетном докладе о его поездке изображены главные пружины государственного механизма тогдашней Германии: борьба императора с князьями, городов с феодалами, особая роль демократической Швейцарии и т. д. Здесь императору служат только его наемные войска, да и те лишь до тех пор, пока им регулярно платят деньги. Если жалованье в срок не выплачено, «они расходятся, и он не может их

* «Discorsi; Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze // Opere. Vol. IV. P. 112.

** Этот вопрос обстоятельно анализирован Francesco Ercole в его книге: *Ercole F. La Politica di Machiavelli*. Roma, 1926. P. 64—96. По нашему мнению, Макиавелли уже в 1-й главе «Il Principe» в основных принципиальных положениях употребляет термин «stato» в современном смысле слова. Ср.: *Schwer Wilgelm*. Katholische Gesellschaftslehre. Paderborn, 1928. S. 177.

*** Ritratti del cose della Francia // Opere. Vol. IV. P. 133—135.

удержать ни просьбами, ни обещаниями, ни угрозами, если у него нет денег» *. Германия не едина, но Макиавелли нравится то, что в ней сильнее всего свободные города и швейцарцы. Народ весь вооружен и умеет драться. «Городские коммуны — нерв этой страны, от них исходит ее богатство и порядок» **.

Известно, что Макиавелли, командированный к *Цезарю Борджиа*, много раз беседовал с ним, учился у него политическому искусству (это было в конце 1502 г. и в начале 1503 г.) и, несомненно, видел в нем тогда человека, который может объединить Италию.

Макиавелли очень ценит Цезаря Борджиа прежде всего за то, что он громит феодалов и организует свое самостоятельное государство. Изучая донесения Макиавелли, посылавшиеся им из резиденции герцога Валентино во Флоренцию, убеждаешься, что герцог вовсе не был тем воплощением порока и деспотизма, каким его обыкновенно изображают. Это был действительно выдающийся политик, упорно и систематически борющийся за создание собственного государства. Уклоняясь от его услуг в качестве кондотьера, Флоренция рекомендовала ему именно этот путь. Флоренция рассматривает герцога, говорил ему Макиавелли на аудиенции, «как новую державу (*un nuovo potentato*) в Италии» ***. Она предлагает ему союз. Цезарь Борджиа ценен еще потому, что он, по наблюдениям Макиавелли, уже освободился от подчинения папе. Фактически он сильнее папы. Договор надо заключать с ним, а не с папой, пишет Макиавелли своему правительству, потому, что договор, заключенный с папой, герцог может пересмотреть, а заключенный с ним, папа не пересмотрит ****.

Макиавелли был очевидцем того, как Цезарь, разбитый и окруженный со всех сторон своими врагами, феодалами Средней Италии, внезапно переменяет оружие войны на оружие дипломатии: затеяв мирные переговоры и приостановив военные действия, он вновь собрал и организовал армию, получил помощь из Франции, поддержку Флоренции и, заманив опаснейших своих врагов в ловушку в Синигалии, захватил их в плен и истребил, вернув себе одним ударом прежнее могущество. Макиавелли описал эту операцию в своем донесении, затем в литературно-обработанном виде в очерке: «Описание способа, примененного герцогом Вален-

* *Ritratti del cose della Francia // Opere. Vol. IV. P. 167.*

** *Ibid. P. 171.*

*** *Ibid. Vol. VI. P. 260—261.*

**** *Ibid. P. 313—314.*

тино для истребления Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини» (Descrizione del modo tenuto dal duca Valentino nello ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo, il signor Pagolo e il duca Gravina Orsini). Он коснулся этой истории также в своем стихотворном произведении «Decennale primo», описывающим крупнейшие события в Италии за десять лет с 1494 по 1504 гг.

Он не идеализирует герцога: это — василиск.

E per pigliare i suoi nimic al vischio
Fischio soavamento, e per ridurli
Nella sua tana, questo bavalischio.

(И этот василиск принялся сладко свистеть для того, чтобы поймать в западню своих врагов и затащить их к себе в гнездо *.)

Но политически Макиавелли одобряет операцию при Синигалии как один из шагов по пути к объединению Италии. Герцог, конечно, не ангел, он не лучше других своих современников с моральной точки зрения, но он играет прогрессивную роль как новый правитель (*il principe nuovo*).

Политический строй, который Макиавелли считает наилучшим — *республика*, свободное государство (*citta libera*).

Республика лучше монархии. Она более прочна, потому что легче может приспособиться к изменяющимся обстоятельствам: ведь она может выдвинуть «длинный ряд самых превосходных вождей, преемственно следующих друг за другом» **. Она может, «имея граждан различного характера, лучше соображаться с обстоятельствами, нежели монархия» ***. В зависимости от меняющихся обстоятельств она меняет вождей, каждый раз выдвигая наиболее подходящих к требованиям момента.

Республика и внешне бывает очень сильна: «опыт показывает, что государства приобретают могущество и богатство только в свободном состоянии» ****. Пример — успехи Афин после освобождения от тирании Писистрата и римлян после свержения власти царей. «Народное правление лучше монархического» *****. Это и понятно, потому что внешнее могущество государства основывается не на частной выгоде отдельных лиц, а на общем благосостоянии всего народа. Между тем — говорит Ма-

* Tutte le opere di Niccolo Machiavelli. Geneva, 1550. Parte V. P. 66.

** Discorsi. С. 179.

*** Там же. С. 405.

**** Там же. С. 271.

***** Там же. С. 256.

киавелли — «общая польза без сомнения соблюдается только в республиках», тот или иной закон, нарушающий чьи-нибудь частные интересы, всегда пройдет в республике, если он выгоден большинству*. И с презрением истинного флорентийского демократа он называет монархию *дрянной формой правления* (trista forma)**.

Республика имеет один существенный недостаток — *медленность* течения дел ввиду необходимости совещаний и соглашений, «согласований» по каждому вопросу между республиканскими учреждениями. Для того, чтобы избежать этого, римляне устанавливали временную единоличную диктатуру, когда надо было действовать быстро, венецианцы учредили постоянный институт инквизиторов. Какое-нибудь подобное учреждение бывает иногда неизбежно в республике, но это нежелательно. «Вообще республика должна избегать таких обстоятельств, против которых нужно пускать в ход чрезвычайные меры... пример их всегда действует вредно; когда позволяют себе нарушать законы в видах пользы, потом не мудрено уже, что найдутся такие, которые нарушат их со злым умыслом»***.

Макиавелли указывает еще, что некоторые республики вверяли иногда верховную власть на долгий срок отдельным лицам, например, в Спарте — царям, в Венеции — дожам, но в таких случаях республика устанавливала над этими правителями специальный надзор, не позволявший им злоупотреблять властью. Однако такие порядки опасны даже там, где общество не развращено, потому что «всякая абсолютная власть в кратчайший срок развращает общество, приобретая себе друзей и приверженцев»****.

Интересны еще несколько частных замечаний Макиавелли о республиканском строе. В правильно организованной республике должна господствовать, с одной стороны, *дисциплина*, с другой — *законность*. Поэтому должен быть хорошо поставлен *судебный надзор*. Чиновники должны *избираться*, и избираться на *короткие сроки*. Ошибкой было избрание цензоров в Риме сроком на пять лет. Управляющие органы должны быть возможно *многочисленнее*, так как «малочисленное правление всегда бывает орудием влиятельного меньшинства», т. е. аристократов или

* Там же. С. 271.

** Там же. С. 401 (Р. 420). Русский переводчик говорит: «подлая форма».

*** Там же. С. 204—205.

**** Там же. С. 207.

какой-нибудь олигархической группы*. Из этих замечаний мы видим, насколько последовательно отстаивает Макиавелли демократический строй.

Очень важно отметить также неоднократно подчеркиваемое Макиавелли право *неприкосновенности частной собственности и жилища* граждан — одно из самых основных буржуазных прав, торжественно провозглашавшееся во всех декларациях прав «человека и гражданина».

Опорой политической свободы в республике должен быть *народ*, а не аристократия. В «Discorsi» Макиавелли доказывает, что народ (popolani, ignobili) стремится не к господству, а только к тому, чтобы не быть угнетенным. Поэтому он «больше стремится к свободной жизни, чем знатные, и у него меньше средств узурпировать власть в свою пользу»**. Власть народа поэтому не опасна для политической свободы. Не имея возможности сам отнять у других свободу, он не позволит и другим это сделать. Отсюда ясно, что народ является лучшим хранителем свободы. Государственный порядок вообще «хорош тогда, когда он предоставлен попечению большинства и когда охрана его в руках большинства»***.

Обращаясь к *классовым основам* образцового государства, по Макиавелли, мы должны прежде всего указать, что из оценки восстания «чомпи», сделанной в «Истории Флоренции», а также из других замечаний Макиавелли в разных его работах, мы знаем, что он был противником полновластия простого народа (la plebe); управлять государством и руководить народом должны богатые граждане, буржуазия, хотя участвовать в управлении должен весь народ в целом (il popolo). Во всяком случае, простой народ должен участвовать в законодательстве путем избирания депутатов в законодательные органы (во Флоренции — Совет, il Consiglio) и высших властей.

Управление республикой должно быть смешанным, так заявляет Макиавелли, повторяя Аристотеля****, но он на этом не останавливается. Тот же Аристотель показал в своей «Политике», что основное различие между государствами в том, каково в них соотношение между политической силой богатых и бедных.

---

* Discorsi. С. 236.

** Там же. С. 134 (Р. 165).

*** Там же. С. 149 (Р. 181).

**** Под смешанным управлением оба они разумеют такое, в котором гармонически сочетаются *формальные элементы* единовластия, олигархии и демократии.

Идя тем же самым путем, Макиавелли утверждает, что политическая свобода обеспечивается в государствах разделением (*disunione*) и борьбой между высшими и низшими классами, будет ли эта борьба между аристократией и народом в целом (*popolo*) или между буржуазией и простонародьем (*plebe*) *.

Таким образом простонародью, которое, по мнению Макиавелли, неспособно управлять государством, должно быть обеспечено право открыто отстаивать свои интересы и вести борьбу против богатых классов. Это право может выразиться, как было в древнем Риме, в установлении должности народных трибунов, официальных защитников простонародья.

Для сохранения легального характера борьбы, введения ее в законные рамки и обеспечения этим государства от гражданской войны, очень существенно право обвинения народными трибунами или гражданами любого гражданина или чиновника, затевающего что-нибудь опасное для республиканских вольностей. Такое установление устранил клеветы (*callunie*), тайные обвинения, сплетни и пересуды, сохранив в государстве здоровую атмосферу честных и открытых отношений между гражданами.

Некоторые думают, что Макиавелли считал идеальными республиками *Спарту* и *Венецию*, сохранявшие различные аристократические учреждения, но это неверно. В 6-й главе книги «*Discorsi*», имеющей большое принципиальное значение и отмеченной Марксом в его тетрадах, Макиавелли признает, что Спарта и Венеция — лучшие республики, если смотреть только с точки зрения внутренней прочности их строя. Но там были совершенно своеобразные условия, которые смягчили противоречие между аристократией и народом и обратили эти республики в аристократические государства, не предоставлявшие никакого участия в управлении простому народу, в высшей степени замкнутые, потому что или народ там не посылался на войну, или страна не расширяла своих границ, или она не допускала к себе иностранцев. Такие государства, конечно, могут быть прочны: «Я не сомневаюсь, — пишет Макиавелли, — что, если бы можно было поддерживать таким образом равновесие, это была бы действительно лучшая политическая жизнь (*il vero vivere politico*) и полнейшее гражданское спокойствие» **. Но так можно говорить только рассуждая отвлеченно, на самом же деле, с точки зрения Макиавелли, «все человеческие дела находятся всегда в движе-

* См.: *Storie Fiorentine*, предисловие; *Discorsi*. С. 130—134, *passim*.

** *Discorsi*. С. 140 (Р. 172).

нии, не могут стоять крепко, поднимаются или падают», каждое государство сталкивается с другим, оно не может быть замкнуто, население его растет, государственный строй должен следовать за изменяющимися условиями. На основании этих соображений Макиавелли приходит к выводу, что в учреждениях республики необходим демократизм, как это было в *Риме*. В интересах развития и внешнего усиления страны надо допустить весь народ к законодательству и предоставить простонародью возможность отстаивать свои интересы. Поэтому настоящим идеалом для развивающегося современного государства с большим числом граждан, а значит, и простонародья, должна быть Римская республика. Нельзя целью организации республики ставить только ее собственное сохранение, надо стремиться к чему-то более высокому, к росту и усилению государства. Он говорит: «Я убежден, что полное равновесие здесь невозможно, что нельзя сохранить настоящего среднего пути; вследствие этого при учреждении республики надо выбирать то, что более достойно славы (*piu onorevole*), и устроить так, чтобы в случае, если необходимость вынудит ее к расширению, она могла бы удержать за собою занятые территории». И дальше: «Я убежден, что необходимо подражать римскому строю, а не строю других республик, так как я не считаю возможным найти какой-нибудь средний порядок между тем и другим. Должно, следовательно, терпеть столкновения (*inimicizie*), возникающие между народом и сенатом, предпочитая ценой неизбежного неудобства достичь римского величия» *. Этого, нам кажется, достаточно для решения спора о том, какое государство Макиавелли брал за образец.

Существеннейшее значение для государства имеет вопрос об организации его *вооруженной силы*, об организации *армии*. Работа Макиавелли в этой области далеко выходит за пределы его литературной и публицистической деятельности. Кроме того, что он был первым серьезным военным теоретиком нового времени, он очень много сделал и непосредственно для организации армии на новых основаниях. Состоя секретарем правительства Флорентийской республики, Макиавелли выполнил большую работу по созданию флорентийской регулярной армии. Он составил проект ее организации, снабжения, управления, провел соответствующие законы, сам ездил по республике, производя первые мобилизации. Сохранился ряд записок его, связанных с этой работой. Он был затем с 1507 по 1512 год секретарем коллегии «девяти», руководившей вновь организованной армией. На основе этого об-

---

* Discorsi. С. 141 (Р. 173).

ширного практического опыта он написал потом, после падения республики, свою работу «*Sette libri dell'arte della guerra*», где в форме диалогов, устами крупного военного деятеля того времени Fabrizio Colonna, он излагает свою систему новой армии. Когда в конце своей жизни Макиавелли вернулся к более активной политической деятельности, ему пришлось вновь потрудиться над организацией армии, а затем и над обороной Флоренции. Правда, будучи крупнейшим военным писателем и выдающимся организатором армии, Макиавелли сам не командовал войсками и в полководцы не годился. Некий аббат Маттео Банделло очень живо описал, как Макиавелли, находясь в 1526 г. в Милане при войске известного кондотьера из рода Медичи — Джованни делле Банде Нере, пытался построить на параде войско в том порядке, который указан им самим в «*Dell'arte della guerra*», и как он трудился над этим бесплодно три часа, пока Джованни не попросил его отойти в сторону и не распорядился сам, построив в несколько минут войско в требуемом порядке.

В «*Dell'arte della guerra*» Макиавелли отстаивает систему постоянной армии, составляемой путем мобилизации из граждан. Он противопоставляет ее системе феодальных ополчений, уже отживших свое время, и системе наемных войск, применявшейся тогда как переходная стадия к новой армии и тоже показавшей свою несостоятельность. В «*Storie Fiorentine*» Макиавелли показывает, до какого разложения доходит система наемных войск, он изображает там, как кондотьеры обманывали своих нанимателей и за хорошие деньги воевали друг с другом почти без пролития крови. Макиавелли высмеивает эти войны, в которых после многочасовых боев с участием нескольких тысяч человек, оставалось на поле битвы по одному-два человека убитых или раненых, а военные операции продолжались без конца «с переменным успехом». Наемные войска беспощадно грабили и притесняли население, требовали все время денег, не подчинялись никакой дисциплине и не ценили ничего, кроме легкой наживы.

Для создания нового государства необходимо радикально изменить организацию армии. Новая армия должна состоять из граждан, она должна снабжаться государством, быть правильно организованной и воспитанной в дисциплине, нужно привить ей патриотизм, поднять ее боевой дух. Новая армия должна быть крепко связана с населением, она близка к гражданской милиции. Немцы и швейцарцы — лучшие солдаты, потому что у них все население обучается военному делу, учится строю, во время праздников практикуется в стрельбе и т. п.

Не разбирая здесь подробно военных работ Макиавелли, приведем несколько наиболее интересных мыслей о новой армии, высказанных им в «*Dell'arte della guerra*».

Основной массой армии должна быть пехота. Солдаты должны получать хорошее содержание, надо заботиться об их здоровье, о санитарном состоянии лагерей. Надо вести среди солдат постоянную пропаганду, воспитывая в них патриотические чувства, надо использовать для этого и религию. Необходима железная дисциплина; надо запретить женщинам находиться в лагерях, не допускать развлечений, которые могут избаловать солдат. Военная техника должна быть на высоте. Артиллерия — очень существенная часть армии. Необходим полный переворот в стратегии и тактике. Нужно научиться действовать массами, применять активную наступательную тактику, рассчитанную на разгром противника.

Однако армия не должна обращаться в независимую от государства силу, государство в государстве. Полководец — или сам правитель государства или его слуга. Все командиры армии — служащие лица, и Макиавелли предлагает установить короткие сроки службы на командных должностях, не создавать в армии самостоятельной власти.

Со всех этих точек зрения Макиавелли и судит современников, ставя им в образец древних римлян, их военное искусство и военную мощь*.

Новое государство несет с собой новую политику в области *экономической и культурной*. И Макиавелли набрасывает мимоходом основы экономической политики, близкой к протекционизму, но, пожалуй, несколько более либеральной. В «*Il Principe*» он рекомендует «побуждать подданных к мирному производству всего полезного для страны как в торговле и земледелии, так и во всякого рода занятиях, чтобы никто... не останавливался перед расширением и улучшением своего хозяйства (*ornare le sue possessioni*) из страха, что оно будет у него отнято, не избегал открывать предприятия, боясь налогов». Даже единоличный правитель должен «поощрять наградами всякое полезное изобретение и усовершенствование, награждать всех, кто каким-либо способом содействует обогащению и росту своего города или государства»**. В области *религии* надо обратить внимание на использование религиозных верований в интересах *воспитания*

---

* Для военного историка представляют большой интерес также многие места «*Discorsi*» и «*Il Principe*».

** *Il Principe*. С. 98 (Р. 133).

граждан. Религия должна служить государству. Католичество должно быть радикально реформировано, возвращено к форме первоначального христианства, так как оно совершенно разложилось под влиянием папства. Макиавелли признает религию только как чисто политическое и воспитательное средство, приспособленное к нуждам буржуазного государства*.

Такова политическая программа Макиавелли. Самый тщательный анализ ее может привести только к одному выводу: *в отношении своего политического идеала Макиавелли — последовательный буржуазный демократ*. Откуда же взялись «монархические» идеи «Il Principe»? Каким образом демократ стал «советчиком тиранов»? Дело в том, что, набросав картину свободного демократического государства, Макиавелли ставит вопрос: *как организовать это государство, как отстоять его от нападений старых феодальных сил и внешних врагов?* Тут начинается политическая стратегия Макиавелли. Изучая историю Флоренции и политику современных ему государств, он пришел к заключению, что городские республики его времени оказались неспособными создать прочное, обширное и могущественное демократическое государство. Для того, чтобы обуздать феодалов, создать централизованное управление, организовать мощную и дисциплинированную армию, сосредоточить крупнейшие материальные силы в руках государства, установить твердый порядок и законность, для всего этого нужна совершенно исключительная власть, нужна *единоличная диктатура*.

3. МАКИАВЕЛЛИ И ДИКТАТУРА

Что такое диктатура? Только теперь, после работ Маркса и Ленина, после опыта Октябрьской революции, мы можем дать правильное научное определение диктатуры. Диктатура есть *«неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть»***. Диктатура характеризуется прежде всего неограниченностью. Она отличается своим полномочием от всех систем компромиссного характера. Ей глубоко противоречит отстаивавшаяся, например, Монтескье государственная система «противовесов», отражавшая социальный компромисс между феодальным и капиталистическим строем. Ей противоречит также двоевластие, которое начало складываться,

* См.: Discorsi. Кн. I. Гл. 11—15.

** Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Собр. соч. 1924. Т. VII. Ч. 1. С. 122.

например, во время русской революции 1905 г., когда советы рабочих депутатов в отдельных центрах превращались в органы революционной власти рядом с сохранявшими еще власть органами царского правительства. Здесь одна власть фактически ограничила другую. Такое же двоевластие сложилось на более долгий срок в начале Февральской революции. Оно блестяще анализировано Лениным в его статьях, относящихся к тому времени *. Подобное двоевластие, будет ли это двоевластие Людовика XVI и Национального Собрания или двоевластие правительства Львова-Милюкова и Совета рабочих депутатов, является взаимным ограничением двух враждебных сил, которое в момент наивысшего развития их антагонизма можно рассматривать как своеобразное «переплетение *вместе воедино двух диктатур*» (выделено Лениным. — В. М.). Каждая из этих двух диктатур стремится, в таком случае, разрушить другую и прийти к полновластию.

Диктатура — *внезаконная* власть. Она не считается с существующим законодательством и творит новое совершенно независимо от старого, исходя непосредственно из происходящей в обществе классовой борьбы. Поэтому ей противоречат такие политические теории, которые исходят из законности, различные консервативные, легитимистские и парламентаристские точки зрения. Ей противоречат и такие теории, как, например, теория монархомахов. Последние исходили из того, что власть монарха ограничена принципиально законом, выражающим взаимный договор монарха с народом, и поэтому, если монарх нарушит договор, он подлежит законной ответственности, вплоть до смертной казни. Тогда он не законный государь, а тиран. Подданные же наоборот обязаны повиноваться законному монарху, соблюдающему «договор» **.

Диктатура — *власть, «опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова»*. Конечно, всякая власть опирается на силу. Здесь приходится это особо подчеркнуть, имея в виду главным образом второй признак диктатуры — ее *внезаконность*. Обыкновенная власть опирается на силу, но она «записана» в закон, санкционирующего ее действия. Не то диктатура: она опирается не на закон, а непосредственно на фактическое соотношение классовых сил, на организованную силу масс, прежде всего на вооруженную силу, которой она располагает.

* Ленин. О двоевластии // Там же. Т. XIV. Ч. I. С. 24—25; Задачи пролетариата в нашей революции // Там же. С. 40—41.

** Ср.: *Vindiciae contra tyrannos*. Edinburgi, 1579, f. A1. Предварительные тезисы.

Таково общее определение диктатуры. Но диктатура различается в зависимости от того, какой *класс* ее устанавливает и осуществляет. *Диктатура буржуазии* будет неизбежно характеризоваться некоторыми особыми, только этому классу свойственными чертами. *Диктатура пролетариата* отличается своими особенностями. Естественно, что класс-диктатор накладывает особый отпечаток на самую диктатуру. Кроме того, следует различать *диктатуру революционную* и *диктатуру реакционную*. Первая — диктатура экономически прогрессивного, поднимающегося к власти класса, который в форме диктатуры складывает свою политическую организацию, спланируется и завершает переворот, ставящий его в положение нового хозяина общества.

Вторая — диктатура класса, достигшего уже зенита своего могущества и падающего под напором новых классов, стремящегося — путем апелляции от переставших действовать законов непосредственно к силе — сохранить старый порядок, повернуть или, на худой конец, остановить колесо истории. Макиавелли выдвинул идею *буржуазной диктатуры*. Но есть разница между современной буржуазной диктатурой, которая сейчас поднимает голову при каждом обострении классовой борьбы, а в некоторых странах, испытавших сильное пролетарское движение, обратилась в настоящую государственную форму (фашизм) — и между той буржуазной диктатурой, времен перехода от феодализма к капитализму, которая выступает во всех буржуазных революциях в разных формах как революционная диктатура. Есть разница между реакционной диктатурой Бенито Муссолини и той, которую проповедовал «секретарь и гражданин» Флорентийской республики — Никколо Макиавелли — *буржуазной революционной диктатурой*.

Мы должны, наконец, иметь в виду, что в истории мы наблюдаем диктатуру в революционную эпоху, в *переходный период* от одной общественной формации к другой. Когда идет революционный переворот, рушится старый строй и строится новый, борющиеся классы ломают рамки старого режима и обращаются непосредственно к силе. Иное в эпоху установившегося господства какого-либо класса, когда мы встречаем обыкновенно так называемую законную власть. Прошли революционные бури, закрепилась власть нового класса, создавалась новая идеология, прежде всего правовая, закрепляющая и оправдывающая новый строй, и диктатура становится не нужна.

Поэтому на диктатуру следует смотреть как на *временную* власть. Поэтому теоретики революционной диктатуры рассматривали ее как средство учреждения нового государственного

строю. Выражаясь латинским термином, диктатор должен рассматриваться как *dictator reipublicae constituendae causa* (диктатор для учреждения или реформы государства). Вообще, поскольку диктатура есть власть, встречающаяся обыкновенно в переходный период, она отменяется, когда этот период заканчивается.

Временность — существенная черта диктатуры, но этот термин, может быть, не вполне удобен, так как он способен вызвать представление о *кратковременности* диктатуры, а подобная власть может существовать десятки лет, смотря по тому, сколько тянется переходный период. Поэтому вполне достаточно характеризовать диктатуру как «неограниченную, незаконную, опирающуюся на силу, в самом прямом смысле этого слова, власть», свойственную переходным периодам от одной общественной формации к другой.

Исходная точка идей Макиавелли о буржуазной революционной диктатуре лежит в оценке им того периода в истории Флоренции, когда он активно участвовал в управлении государством (1498—1512 гг.). Эту оценку мы находим в 3-й главе III книги «Discorsi», носящей название: «Как необходимо, если хочешь сохранить восстановленную свободу, истребить сыновей Брута». Здесь Макиавелли достигает вполне развитого представления о диктатуре.

Разбирая деятельность легендарного Брута Старшего, установившего в Риме республику, он рассказывает, что Бруту пришлось судить и казнить как врагов республики своих сыновей. Макиавелли пользуется этой иллюстрацией, чтобы формулировать общее правило. «Кто создает республику и не убивает сыновей Брута, продержится недолго» (*chi fa uno stato libero e non ammazza i figliuoli di Bruto, si mantiene poco tempo*)*. При учреждении республики нужны крайние меры, вплоть до истребления врагов нового строя. Для того, чтобы преодолеть их сопротивление, нужна исключительная, *чрезвычайная власть* — *straordinaria autorità*** . В этом отношении судьба Содерини поучительна; он понимал опасность контрреволюции, но, как истый демократ и честный человек, он не хотел, будучи избран народом в руководители республики, нарушать равенство учреждением диктатуры и надеялся обойтись гуманными мерами в рамках нормальных демократических законов. Поэтому он не последовал примеру Брута. Конечно, Содерини рассуждал умно и честно, го-

* Discorsi. С. 374 (Р. 394).

** Там же. С. 374 (Р. 395).

ворит Макиавелли, но он не должен был бояться нарушить несколько республиканский строй, чтобы лучше его укрепить. В интересах спасения отечества (*salute della patria*), он должен был стать на путь диктатуры потому, что враги республики не сдавались. Если бы он отстоял республику при помощи чрезвычайной власти, всякий удостоверился бы, что он действовал не из личного честолюбия, а для спасения отечества. Содерини не знал истины, что человеческую злобу не обуздать временем и не смягчить благодеяниями. Поэтому он «не сумел последовать примеру Брута и погубил вместе со своим отечеством и власть, и славу» *.

Эта оценка деятельности вождя флорентийской демократии в поворотный момент истории Флоренции, показывает, что Макиавелли имел достаточно ясное представление о буржуазной революционной диктатуре в полном смысле этого слова.

Общей формой диктатуры, которую отстаивал Макиавелли, является единоличная власть правителя, которого он называет *il principe nuovo* (новый государь). Общие черты, свойственные всякой диктатуре вообще, затем — свойственные всякой революционной диктатуре, переплетаются здесь с особенностями, свойственными буржуазии. Сложностью идей диктатуры, выдвинутых Макиавелли, объясняются многие колебания в их оценке у позднейших политических писателей, хотя в основном эти колебания определяются, конечно, их классовыми позициями.

Самое название популярнейшей книги Макиавелли «*Il Principe*» с трудом поддается толкованию и переводу. Из русских слов: «князь», «монарх», «государь», «правитель» ни одно не передаст вполне точно того, что Макиавелли вкладывает в понятие «*principe*». Это понятие общее, под ним разумеется всякий единоличный правитель. *Principati* — это все государства с единоличным правлением. Макиавелли делит их затем на *principati ereditari* — наследственные и *principati nuovi* — новые принципаты. Под первым он подразумевает все старые наследственные монархии феодального строя (королевства, герцогства, княжества и т. п.). Эти монархии иногда, конечно, сильны, опираются на крепкую традицию, но они связаны всеми путями феодального строя, ограничены сложной взаимной зависимостью с папством, империей, феодальной аристократией и т. д. Такая феодальная монархия, опирающаяся на феодалов, на их привилегии, на неравенство, необходима при феодальном строе, так как феодалов

* Там же. С. 375 (Р. 395). Ср.: *Renard Georges. Histoire du Travail à Florence. Paris. Vol. II. P. 242—244.* В книге дана хорошая характеристика политической конъюнктуры во время управления Содерини.

может держать в узде, по словам Макиавелли, только «рука короля». К этой феодальной монархии и относятся те отрицательные отзывы, которые мы приводили выше.

В своем «Il Principe» Макиавелли не уделяет *наследственной монархии* почти никакого внимания. Для наследственного правителя достаточно сохранить традиционные status quo, руководствоваться во всем мудрым консерватизмом, и он без особого труда удержится у власти *. Однако сама эта монархия, опирающаяся на совершенно разложившихся феодалов, обречена на гибель. Следуя в этом отношении целиком за Аристотелем и Полибием, Макиавелли изображает в «Discorsi», как вырождаются (degenerare) наследственные монархи благодаря их привелигированному положению, как они развращают весь народ, как устраиваются против них заговоры, поднимаются восстания, отнимающие у них власть **.

По поводу *церковных государств* (также феодальных) — principati ecclesiastici — Макиавелли пишет, что власть поддерживается в них укоренившимися религиозными обычаями, подданные покоряются духовным владыкам независимо от того, насколько те хорошо управляют; только эти государства вполне счастливы. «Но, замечает Макиавелли, так как это происходит от высших причин, которых не может постичь человеческий ум, я не буду говорить об этих государствах, они учреждены и поддерживаются Богом, так что рассуждать о них может только человек дерзкий и легкомысленный» ***. Это, несомненно, ирония. Макиавелли, как нам известно, всегда относился отрицательно к папству и безразлично к религии ****, талантливейшим образом вышучивал попов в своих комедиях («Mandragoga»), а папу Александра VI проводил в могилу следующими стихами:

...e per haver riposo
Portato fù fra l'animebeate
Lo spirto di Alessandro glorioso;
Del qual seguiro le sante pedate

* См.: Il Principe. Гл. II.

** Discorsi. С. 127 (Р. 159).

*** Il Principe. С. 48 (Р. 96).

**** Prezzolini в указанном сочинении говорит об *абсолютном атеизме* Макиавелли (ateismo assoluto, fondamentale, universale) (Р. 178). Jean Dubreton в его интереснейшей работе (Dubreton. La Disgrâce de Nicolas Machiavel. Paris, 1913) обращает внимание на почти полное отсутствие цитат из Библии в сочинениях Макиавелли и замечательное для его времени незнание «священных» книг (Р. 19).

Tre sue familiari e care ancelle
Lussuria, simonia e crudelitate*.

(И душа славного Александра была отнесена к блаженным духам, чтоб она там отдохнула; по его священным стопам последовали за ним три его подруги и верные служанки — сладострастие, симония и жестокость).

Центром внимания Макиавелли в книге «Il Principe» являются «*новые принципаты*». Их Макиавелли классифицирует, их образование он изучает. Для «нового» правителя предназначает он лучшие из своих политических советов. Кто такое этот «новый правитель» — *il principe nuovo*? Прежде всего это единоличный правитель, который *не связан с феодальными отношениями* и не ограничен ими. Он самостоятелен, ни от кого не зависим (*solo*). Кроме того, это правитель, строящий *новое государство* того именно типа, который Макиавелли характеризовал в «Discorsi», т. е. буржуазное государство. И наш автор хочет, чтобы руками этого нового правителя было построено государство демократическое.

На основании исторических данных и своего опыта Макиавелли пришел прежде всего к выводу, что для организации нового государства требуется *единоличная* власть. 9-я глава I книги «Discorsi», наиболее точно формулирующая основы макиавеллевской теории диктатуры, носит название: «*Как необходимо быть одному, если желаешь устроить вновь республику или реформировать уклонившуюся совершенно от своего древнего строя*». В ней Макиавелли говорит: «Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика, или королевство, не была хорошо устроена с самого начала или, уклонившись от древних порядков, не была заново целиком преобразована, если она не была устроена одним лицом; необходимо, чтобы один человек устанавливал порядок управления, и чтобы все государственное устройство зависело от разума этого человека». Это не монарх, действующий лишь в своих собственных интересах, создающий и укрепляющий свою личную власть. Нет, *разумный устроитель новой республики* (*prudente ordinatore d'una repubblica*) *радикальный реформатор*, т. е. по-нашему, революционный преобразователь (*riformatore al tutto di nuovo*) «хочет служить не себе, а общему благу (*giovare non a sè ma bene comune*), не своим наследникам, а общему отечеству». Только для этого, а не для других целей он должен стремиться к единоличной власти**.

* Decennale primo // Tutte le opere. Parte V. P. 68.

** Discorsi. С. 148 (P. 180).

Власть *principe nuovo* обладает всеми основными чертами диктатуры.

Эта власть *неограниченна*. Макиавелли во всей своей теории исходит из идеи единства государственной власти. Принцип разделения властей ему совершенно чужд. *Principe nuovo* — абсолютный правитель, обладающий всей полнотой власти. Таков именно смысл его единоличия.

Власть *principe nuovo* *внезаконная*. Он сам, создавая новое государство, устанавливает его основные законы. Со старыми законами он не считается. Вся теория Макиавелли замечательна прежде всего полным разрывом с современной ему феодальной традицией; нужно разрушить все эти средневековые привилегии, сложную систему средневековых прав и обязанностей, и заменить их новым буржуазным правом, которое вырастет в совершенно новых или радикально реформированных государствах. Для Макиавелли безразлично, кто является «новым правителем»: частный ли гражданин, выдвинувшийся из народной среды сам или выдвинутый народом, узурпатор ли, или законный государь. Макиавелли стирает умышленно разницу между законным или незаконным правителем. Это несущественно для основателя нового государства. Если Людовик XI, например, поставил своей задачей создать новое государство, объединить Францию, он вынужден был поступать незаконно. Ему пришлось нарушить все феодальные права и вольности своих вассалов, подчинить их, в нарушение этих прав и вольностей, своей единодержавной власти, а так как они, конечно, отстаивали свои права и привилегии, освященные древностью, ему пришлось апеллировать не к законам, а к силе. Лучше всего, конечно, выполнить свою задачу может не законный государь, а новый человек, выдвинувшийся из числа граждан.

Власть *principe nuovo* должна опираться непосредственно *на силу*. Введение «нового строя» (*nuovo irdini*), рассуждает Макиавелли, очень трудно. «Нововводитель... встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только очень робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях улучшиться». Это происходит, во-первых, потому, что люди, положение которых улучшилось при введении новых порядков, боятся своих противников, держащих в своих руках законодательную власть и имеющих на своей стороне законы (*che hanno le leggi in beneficio loro*), во-вторых, тут действует и обычная недоверчивость народных масс ко всему новому*.

* Il Principe. С. 25 (Р. 79).

Отсюда Макиавелли приходит к выводу, что «нововводители» не могут в начале своей деятельности ожидать большой поддержки со стороны массы граждан и должны быть сами достаточно сильны. Они добьются успеха, если они действительно независимы (*dependono da loro propri*) и могут *действовать силой* (*posson forzare*). Поэтому обычно в истории «*все вооруженные пророки побеждали, а невооруженные гибли*» (*tutti li profeti armati vinsano, e li disarmati rovinarono*)*. Дело в том, что народные массы неустойчивы, и если они вначале колеблются и не убеждаются доводами новатора, он должен быть в состоянии, в случае нужды, «силой принудить их убедиться» (*far loro credere per forza*)**.

В числе исторических примеров, приводимых Макиавелли в поддержку этого рассуждения, он считает особенно важным пример *Гиерона Сиракузского*, выдвинувшегося в правители государства из простых граждан благодаря своим военным заслугам и выдающимся личным качествам. Здесь же он оценивает деятельность такого вождя народа, как *Савонарола* (которого он лично видел и слышал), погибшего именно потому, что он не опирался на вооруженную силу. В другом месте он приводит в качестве образцового нововводителя спартанского царя *Клеомена*, осуществившего путем настоящей диктатуры разгром аристократии и передел земли в Спарте времен упадка***.

Обратимся теперь к тем чертам диктаторской власти *principe nuovo*, которые связаны с переходным периодом от феодализма к капитализму. Если применить рассуждения Макиавелли об основании государства и их радикальном реформировании к современным ему условиям, то необходимо будет признать, что здесь речь может идти только об образовании буржуазных государств или об объединении мелких феодальных владений в крупные централизованные национальные государства.

Феодальные привилегии *principe nuovo* должен отменить, разрушив власть феодалов. Перед его властью все граждане равны, феодалы подчинены ему так же, как простой народ. Это означает установленное уже под властью *principe гражданского равенства*. Здесь люди могут выдвигаться или как граждане своим капиталом и личными способностями, или как слуги правителя — военные и гражданские.

---

* Там же.

** Там же.

*** Discorsi. С. 150.

Власть *principe nuovo*, естественно, опирается на *армию*, построенную уже не на феодальных основах и не на основе найма, а на армию нового типа. Макиавелли не раз подчеркивает существенное значение армии для всякого государства. «Главными основами всех государств, — говорит он, — служат хорошие законы и хорошо организованные войска», но в то же время — «без хорошо организованного войска в государствах не могут поддерживаться хорошие законы; где хорошо организовано войско, там обыкновенно бывают и хорошие законы» *. Особенно нужна армия, и именно *новая армия*, для нового правителя. Захватывая или получая власть, он опирается на народ и привлекает его на свою сторону. Поэтому, говорит Макиавелли, «никогда не бывало, чтобы *principe nuovo* разоружил своих подданных; наоборот, когда он находил их невооруженными, он всегда их вооружал». Таким образом, новый правитель должен прежде всего *вооружить народ* или усилить его вооружение. Вооруженный народ — лучшая опора нового правителя, потому что, если вооружишь своих подданных, это оружие становится твоим, становятся верными тебе те, кто были подозрительны, верность тех, которые уже были верны, поддержится, и из подданных все они станут твоими сторонниками (*partigiani*) **. Тогда *principe nuovo* приобретает силу и авторитет в народной массе. Поэтому Макиавелли устанавливает как общее правило, что подобный правитель всегда организует армию в своем новом государстве (*un principe nuovo in un nuovo principato sempre vi ha ordinato l'armi*) ***.

Чезаре Борджиа, которого Макиавелли приводит в качестве *principe nuovo*, замечателен тем, что он перешел от системы наемных войск к новой. Он мобилизовал в своем государстве по одному человеку из каждой семьи и образовал из мобилизованных собственную армию ****.

Большое значение для нового государства имеют также *хорошие финансы*. Во времена Макиавелли рост торгово-ростовщического капитала привел к тому, что деньги ценились и восхвалялись даже больше, чем следовало. Макиавелли пришлось выступить против той точки зрения, что деньги — нерв войны. Он успешно доказывал, что «нerv войны» — хорошие солдаты. Но он прекрасно понимал необходимость образования государ-

* II Principe. С. 51.

** Там же. С. 88 (Р. 127).

*** Там же. С. 89 (Р. 127).

**** Там же. С. 58—59. Ср.: Scritti inediti di Niccolò Machiavelli. Firenze, 1857. P. XXXVI.

ственной казны, накопления финансов для нового правителя. Во время своих дипломатических поездок он видел, как тогдашние государства сколачивали свои бюджеты, какое значение это имело и для императора Максимилиана, и для герцога Валентино, и для многих других. Поэтому в «Il Principe» он доказывает, что известный «режим экономии» и даже скупости необходим для *principe*. Скупость обыкновенно считается пороком, говорит Макиавелли; восхваляют *щедрость*. Конечно, щедрость хороша, но за чей счет она проявляется? Если за чужой счет, например, за счет военной добычи, это вполне допустимо. Было бы нецелесообразно, если бы *principe* забрал себе всю добычу, не дав в ней доли никому из солдат. Однако, в большинстве случаев государи щедры за счет народа. Поэтому *principe*, не желающий в случае неизбежной обороны быть поставленным в необходимость разорять своих подданных, чтобы не остаться без средств и не потерять вследствие этого уважения людей, чтобы устранить всякий повод к грабежу своих подданных, должен не бояться обвинения в скупости, так как скупость — «один из тех пороков, благодаря которым он может поддержать свою власть» *. Правда, пока человек еще стремится к власти, щедрость ему очень помогает, но когда он уже достиг власти, щедрость губельна. Это самопожирательная добродетель: чем больше человек ее проявляет, тем меньше у него остается средств для того, чтобы и дальше быть щедрым. Поэтому, в интересах государственной казны и в интересах народа, надо экономить и не бояться прослыть скупым. К скупому народ относится только с презрением, но к щедрому, грабящему своих подданных, народ чувствует и презрение и ненависть **. Расчетливый правитель сможет при помощи своих доходов и своих резервов вести войны, «не отягощая народ налогами». Тогда «подавляющее большинство граждан, видя, что он ничего от них не требует, будут считать его щедрым» ***.

Опять-таки и в этом пункте нужно высоко оценить Цезаря Борджиа потому, что он был рачительный хозяин, не только организовавший армию, но и заботившийся о ее снабжении, собирающий в своей казне деньги, использующий для этого все средства, какими мог располагать. Известно, что Цезарь привлекал к себе на службу лучшие силы, между прочим и из Флоренции. Один из гениальнейших художников и ученых всех времен — Леонардо да Винчи — служил в армии Цезаря Борджиа в качестве архи-

* Il Principe. С. 67.

** Там же. С. 69

*** Там же. С. 67.

тектора и главного инженера. Это обстоятельство отмечено даже на сохранившихся рукописях да Винчи с чертежами гидравлических машин, а в сохранившемся также пропуске его, выданном за подписью Цезаря, он именуется «нашим ближайшим и любимейшим другом» (*nostro prestantissimo et dilectissimo familiare*)*. Не кому иному, как Рафаэлю, приписывался портрет Цезаря во дворце Боргезе в Риме.

Principe должен сам быть *главнокомандующим* своей армии. Он должен знать военное дело и практически и теоретически, должен изучать его историю, в мирное время приобретать знания, которые пригодятся на войне. «Principe не должен увлекаться ничем иным, так как в этом искусстве вся тайна его силы, и благодаря ему не только наследственные правители сохраняют верховную власть, но и обыкновенные граждане могут ее получить»**. Однако principe не должен ни в коем случае подчиняться армии, устанавливая господство солдатчины, как это было в императорском Риме, где «императоры были вынуждены необходимостью угождать войскам в ущерб народу»***. Армия должна быть, таким образом, поставлена в подчинение общегосударственной власти уже при самом основании республики так, чтобы она и в дальнейшем оставалась в таком же подчинении, как Макиавелли намечал это в «Discorsi»****.

Для того, чтобы управлять единодержавно и командовать армией, principe должен обладать основательными знаниями и опытом. Разбирая различные случаи образования новых государств, захвата или получения власти рядовыми гражданами, Макиавелли отмечает существенную трудность для нового правителя. «Если это человек, не обладающий особенно крупным умом и доблестью, он не умеет управлять, потому что всегда жил частной жизнью»*****.

Нужно обладать большой опытностью в государственных и военных делах, чтобы, получив власть, быть в состоянии удержать ее за собой. Нужно иметь известную подготовку или выдающиеся способности. Таковы были *Франческо Сфорца*, ставший из простых граждан выдающимся полководцем, а потом герцо-

---

* *Amoretti Carlo*. Memorie Storiche su Lionardo da Vinci. Milano, 1804. P. 87. Да Винчи работал затем как инженер и художник для правительства Флоренции, в котором Макиавелли был секретарем.

** Il Principe. С. 61 (P. 106).

*** Там же. С. 86.

**** См.: Discorsi. С. 51.

***** Il Principe. С. 27.

гом Миланским, и *Цезарь Борджиа*, который «не пренебрегал ничем, что может сделать благоразумный и честный человек, для того, чтобы утвердить свое могущество в стране, доставшейся ему при помощи чужого оружия и счастья» *. И, выступая против наследственной власти монархов, Макиавелли говорит, что есть короли, невежды в своем деле, у которых ничего нет королевского, кроме звания, а *Гиерону*, чтобы быть *principe*, не хватало только принципата, поэтому он его и получил **.

Власть principe nuovo опирается на народ. Было бы ошибкой для него ориентироваться на аристократию, на остатки феодалов. Он никогда не сможет их удовлетворить, и усиление их опасно для него самого. Они иногда сами выдвигают из своей среды *principe*, но только в качестве ширмы. Одно блестящее место в «II Principe» изображает нам, как иногда аристократы, видя, что они не могут сопротивляться народу, начинают выдвигать кого-нибудь из своей среды и делают его *principe*, чтобы, «прикрываясь его именем, дать волю своим аппетитам» ***. Такой *principe* — игрушка в их руках. Да и вообще «удовлетворить аристократов так, чтобы не сделать несправедливости и не возвысить одних за счет других, бывает очень трудно». Ориентироваться на аристократов это означает усиливать неравенство, т. е. возвращаться к старому феодальному строю.

Нет, *principe nuovo* должен ориентироваться не на знать, а на весь народ в целом (*popolo*). Неверна избитая пословица того времени: «рассчитывающий на народ строит на грязи». Наоборот, «для *principe* необходимо, чтобы народ был ему другом, иначе в несчастье он не найдет спасенья» ****. Это ошибка — строить крепости, чтобы защищаться от собственного народа, (как сделал Сфорца в Милане), «лучшая крепость, какая есть, — не возбуждать ненависти народа» (*la miglior fortezza che sia, è non esser odiato da' popoli*) *****. Мало того, *principe* должен добиться уважения народа, поэтому его задача — «удовлетворить народ» (*satisfare a' popoli*)^{6*}. В этом отношении у Макиавелли нет различия между политикой республики и политикой *principe*. Как там, так и здесь политика должна быть демократической по существу, т. е. *буржуазно-демократической*. Здесь так же, как в

* II Principe. С. 28.

** Discorsi. Посвящение.

*** II Principe. С. 41.

**** Там же. С. 43 (Р. 92—93).

***** Там же. С. 93 (Р. 130).

^{6*} Там же. С. 86 (Р. 125).

отношении армии, *политика principе nuovo* подготавливает почву для буржуазной демократии.

В диктатуре principе nuovo мы видим ясно выраженные революционные черты.

Прежде всего новый правитель должен вести активную политику. Он должен предвидеть события и идти им навстречу, не ожидая их приближения, иначе он потеряет благоприятное время для противодействия опасностям, подобно тому, как, запуская болезнь, можно довести ее до неизлечимости *. Конечно, обстоятельства меняются; иногда нужна отчаянная смелость, иногда наоборот, величайшая осторожность и обдуманность. Но тут многое зависит от силы, которой обладает principе. Если он достаточно силен — лучше всего *смелость*. В области военной лучшая стратегия наступательная. В других областях тоже, если благоприятные условия налицо, нужно вести решительную, отважную политику. Образцом политических деятелей, осуществлявших такую политику, были папа Юлий II и испанский король Фердинанд Католик. Макиавелли анализирует в «II Principe» (главы 25-я и 21-я) их деятельность. Оценку политики Юлия II он заканчивает следующими известными словами: «Я твердо уверен, что лучше быть отважным (*impetuoso*), чем осмотрительным, потому что судьба — женщина, и необходимо, если хочешь держать ее в подчинении, бить ее и толкать вперед; она скорее даст себя победить людям, которые именно так с ней обращаются, чем таким, которые подходят к ней холодно. И потому она всегда, как женщина, — друг юношей, которые осмотрительны, более горячи (*feroci*) и повелевают ею с большей отвагой» **.

Компромиссы вредны. Во внутренней политике надо или ласкать или истреблять (*o vezzeggiare o spegnere*) ***. Римляне «всегда избегали среднего пути и обращались к крайностям» ****. Во внешней политике лучше открыто высказывать себя врагом или другом кого-либо, такой путь всегда полезнее, чем быть нейтральным *****. Макиавелли подробно доказывает это. Затем, *чрезвычайные меры* (*azioni istraordinarie*), тяжелые крайние меры (*grandissimi istraordinarie*) необходимы, особенно при основании новых республик. И ни один разумный человек не осудит основателя нового строя за применение таких мер ^{6*}.

* Там же. С. 13.

** Там же. С. 108 (Р. 141).

*** Там же. С. 10 (Р. 69).

**** Discorsi. С. 333 (Р. 358).

***** II Principe. С. 95 (Р. 131).

^{6*} Discorsi. С. 148 (Р. 180).

Колебания в политике также вредны. Причина их — слабость. «Слабые государства всегда действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна» — таков заголовок 15-й главы II книги «Discorsi».

Так же, как колебания, *вредна медленность в решениях.* Примерами из Тита Ливия Макиавелли показывает, «как вредно и опасно медлить» (см. ту же главу). Образцом быстроты действий, не дающей противнику времени обдумать обстоятельства, служит политика папы Юлия II*.

Из этого не следует, конечно, что *осторожность* не нужна или не следует никогда идти на *уступки*. Иногда обстоятельства дела требуют медленности. Иногда в стесненных условиях реформатор вынужден уступить человеческому консерватизму. Большинство людей, как известно, «больше боится внешности, чем сущности», поэтому, вводя различные преобразования, можно иногда сохранять старые, освященные веками обряды и церемонии, к которым народ привык. Тогда преобразования будут приняты с удовольствием**.

Это не значит также, что надо обязательно применять *жесткие меры*. Макиавелли не сторонник жестких мер во что бы то ни стало. Наоборот, в первую очередь надо применять гуманные меры, надо всегда попробовать прежде всего, не обойдется ли дело без тяжелой артиллерии репрессий. Глупо пускать ее в ход по всякому поводу. Свойственно феодализму, средневековому варварству при всяком удобном и неудобном случае хвататься за оружие. Но мы ведь теперь в Италии времен Возрождения. Здесь люди просто более культурны. Поэтому «*principe* должен строго обдумывать свои слова и действия, не быть подозрительным без причины и действовать благоразумно и гуманно» (*con prudenza ed umanità*)***. Он должен укреплять свою власть хорошим управлением и добиваться таким путем, чтобы граждане были ему верны****.

Однако, при образовании новых государств или при захвате власти обыкновенно бывает трудно соблюдать гуманность. «Новому правителю невозможно избежать имени жестокого, потому что новые государства полны опасностей»*****. Государство

---

* Discorsi. С. 495.

** Там же. Кн. I. Гл. 25.

*** Il Principe. С. 70 (Р. 112).

**** Там же. С. 44—45.

***** Там же. С. 69.

еще непрочно, оно ведет упорную борьбу за свое сохранение против всех старых сил. Это было известно еще в древности. Еще Дидона по поводу жестокостей своего управления говорит в Энеиде Виргилия: «*Res dura et regni novitas me talia cogunt — Moliri, et late fines custode tueri*» («Жестокие обязательства, новизна моего царствования и потребность в охране границ обширной территории заставляют меня это делать») *.

Но если жестокие меры неизбежны, они должны быть, как выражается Макиавелли, *хорошо направленными*.

«Хорошо направленными жестокостями (если, говоря про дурное, можно употребить слово: хорошо) я назову такие, к каким прибегают в случае необходимости для укрепления своей власти; однажды укрепив последнюю, правители на них не настаивают, но заменяют их мерами возможно более полезными для подданных» **. Это место вызвало много высоконравственного негодования у последующих писателей, но оно не заключает в себе ничего плохого. Обычно в буржуазных государствах ведь и это правило не соблюдается. Жестокие меры обыкновенно легко прививаются, и заменить их более гуманными бывает очень трудно. Было бы очень хорошо, если бы буржуазные правительства соблюдали в XX веке то, что Макиавелли рекомендовал в XVI. В случае неправильного узурпаторского захвата власти (т. е. захвата власти в своих личных интересах, который Макиавелли особо выделяет), жестокие меры следует применить решительно и сразу, не надо растягивать их применение на долгий срок, иначе вызовешь ненависть народа. Надо «решиться пустить в ход все необходимые жестокости за один раз, чтобы не быть вынужденным возвращаться к ним беспрестанно, и обеспечить за собой власть, не прибегая к ним вновь и привязав к себе подданных своими благодеяниями» ***. Вообще же говоря, правитель может не бояться репутации жестокого во время войны или тогда, когда он управляет большой армией; здесь дисциплина поддерживается страхом, таков уж характер людей ****.

С другой стороны, если смелая и открытая борьба невозможна, если *principe* слаб для того, чтобы успешно ее вести, ему придется *идти на хитрости*. *Principe* должен научиться, говорит Макиавелли вслед за античными писателями, «быть лисицей,

* Там же. С. 70.

** Там же. С. 39.

*** Там же. С. 40.

**** Там же. С. 71.

чтобы узнавать капканы, и львом, чтобы пугать волков» *. Где нельзя быть львом, надо уметь быть лисицей. В таких случаях надо уметь пользоваться дипломатией, обманом и другими подобными средствами. «Правитель, и больше всего правитель новый, не может соблюдать всего того, за что людей считают хорошими, так как он часто вынужден — для того, чтобы удержать власть, — действовать против своих обещаний, против милосердия, против гуманности, против религии. Для этого нужно, чтобы он имел характер, способный меняться, смотря по тому, как указывают ему ветер и судьба». Он «не должен уклоняться от добра, пока может, но уметь делать зло, когда он к этому вынужден» **). Следует держать свое слово, пока можешь, но, если обстоятельства изменились, надо его нарушить. Знаменитая глава 18-я «Il Principe» — «Каким образом principe должен исполнять свое слово» — содержит еще несколько замечаний, достойных величайших сатириков мира, о том, как государи обыкновенно действуют. Здесь-то наиболее откровенно и почти цинически изображена государственная власть. Здесь, как и в некоторых еще местах «Il Principe», Макиавелли открыто пишет о том, о чем обыкновенно и до него и после него правители и политики умалчивали — он *разоблачает* таким образом *тайны политической мудрости, тайны власти*, то, что позднее обычно называлось *arsana imperii*. Макиавелли, действительно, понял основные пружины политики вообще и буржуазной политики в частности. Он понял, что политика — это борьба классов, непримиримых по существу, что борьба, которая идет на истребление (*spegnere*), на разгром противника, не может не быть жестокой. В этой борьбе неизбежны такие приемы, как обман, нарушение обещаний и т. п. Ведь на войне все это применяется, и никто не считает это зазорным.

Однако, применяя подобные меры, principe должен помнить, что они вынуждены обстоятельствами, и отказываться от них, как только он чувствует себя достаточно сильным для открытой борьбы.

Буржуазный характер диктатуры principe nuovo обнаруживается очень ясно в том, что Макиавелли требует от правителя уважения к собственности и личным правам граждан. Principe «не должен посягать на имущество граждан и подданных, на честь их жен» ***. Особенно важно — это не раз подчеркивает Макиавелли — не нарушать прав собственности. И тут он вскрывает

* Il Principe. С. 74.

** Там же. С. 75.

*** Там же. С. 71 (Р. 113).

перед нами всю буржуазную душу современного ему человека, говоря: «люди обыкновенно скорее забывают смерть отца, чем потерю наследства» (*dimenticano più presto la morte del padre che la perdita del patrimonio*)*. Нужно не только абсолютно избегать нарушения прав собственности, но нужно осторожно относиться и к доходам от этой собственности. Макиавелли считает этот вопрос очень важным. Лишение граждан их доходов больше, чем что-либо другое, делает правителя ненавистным**. Есть еще один пункт, который в диктатуре *principe nuovo* вскрывает ее буржуазный характер. Ни в коем случае *principe* не должен внутри государства вести политику *divide et impera* — разделяй и властвуй. Страны, в которых «господствует внутренний раздор», скоро гибнут. Сама по себе система введения в государство раздора показывает слабость правителей***. Она вредна. Макиавелли доказывает это и в 20-й главе «*Il Principe*» и в 27-й главе III книги «*Discorsi*». Очень важно связать это с учением Макиавелли о классовой борьбе. Он считает, как мы уже указывали, что во всяком государстве есть «разделение» (*disunione*), классовое расслоение, всегда есть два различных направления (*duoi umori diversi*). Одно из господствующего класса (феодалов или, позднее, буржуазии), другое низшего класса (сначала всего непривилегированного населения — *popolo*, потом — *plebe*). Это естественные группировки во всех государствах. Их борьбою Макиавелли объясняет всю историю Флоренции. Но только такие группировки приемлемы. Другие — партии (*parti*), фракции (*sette*), т. е. группировки внутри классов, вредны. Во Флоренции фракции внутри буржуазии, группировки Медичи и др., ведут государство к гибели. Они приводят к тому, что правительство не имеет определенного характера и оказывается игрушкой то той, то другой группы****. *Principe nuovo* должен бороться против фракций и группировок. И в этом отношении он должен управлять так, как это необходимо во всяком правильно устроенном, т. е. буржуазном государстве. Согласие, порядок необходимы для процветания государства, и терпеть в нем «раздор» фракций и групп, тем более поощрять его и на него опираться — вредно с общегосударственной точки зрения, т. е. опять-таки с точки зрения нового буржуазного государства. Заканчивая характеристику диктатуры *principe nuovo*, нельзя обойти вопрос о моральных понятиях, ко-

---

* Там же.

** *Discorsi*. С. 445.

*** *Il Principe*. С. 90.

**** *Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze // Opere*. Vol. IV. P. 106.

торыми оперирует Макиавелли. Известно, что он возродил политическую теорию в Европе и сделал это в значительной степени потому, что *отделил политику от религии и морали*, показав различие их общественных функций. В своем учении о диктатуре он подчиняет мораль политике.

Макиавелли указывает в «Il Principe», какое большое значение имеют для правителя высокие нравственные качества. Конечно, лучше всего, если principe обладает этими качествами: он сильнее привлечет к себе народ и увеличит свой авторитет. Однако Макиавелли понимает, что есть разница между идеалом правителя и реально существующими правителями. Для него важнее *verità effettuale della cosa*, а не *immaginazione di essa*, истина, соответствующая действительности, а не воображаемая, потому что он ставит своей задачей научить практически полезному. Между тем как живут люди и как они должны жить — расстояние велико; кто оставит в стороне то, что есть, для изучения того, что должно быть, скорее придет к гибели, чем к спасению*. Прежде всего, с точки зрения Макиавелли, люди вообще обладают многими дурными качествами, их полуживотная природа (образ кентавра), грубость прежней жизни, разлагающее влияние феодальных порядков и католической религии воспитали в них много низких страстей и чувств. Поэтому «человек, желающий в наши дни быть во всех отношениях хорошим, погибает, среди множества людей, которые не хороши»**. Ведь человеку приходится быть лисицей только потому, что его окружают капканы, и львом, потому что на него нападают волки. Отсюда вытекает, что «правителю, который хочет удержаться у власти, необходимо приобрести умение быть нехорошим и пользоваться. или не пользоваться, этим умением в зависимости от требований необходимости» (*imparare a poter esse non buono ed usarlo e non usarlo secondo la necessità*)***. Каков настоящий смысл этого рассуждения? Поскольку в политической борьбе приходится сталкиваться с дурными людьми и применять иногда дурные средства, правитель, даже если он сам вполне хорош, вынужден в случае необходимости поступать жестоко и бесчеловечно, потому что иначе его сживут со свету, он погибнет или у него отнимут власть. Таков характер политической борьбы в настоящее время. Вот мысль Макиавелли. С другой стороны, сам правитель не всегда хорош. Если у него не хватает тех качеств, которые особенно це-

* Il Principe. С. 64—65 (Р. 108).

** Там же. С. 65 (Р. 108—109).

*** Там же. С. 65 (Р. 109). Русск. пер. здесь искажен.

няться людьми, он должен быть настолько благоразумен, чтобы избегать пороков, которые могут привести его к лишению власти, с остальными дело не так страшно. С этой точки зрения Макиавелли и приходит к своему основному выводу: «если хорошо разобраться в этом вопросе, есть вещи, которые кажутся хорошими, но приводят к гибели, и другие, которые кажутся пороками, а результатом их является безопасность и благоденствие правителя» *. Поэтому нечего бояться прослыть, например, скупым, если это полезно государству. Но, конечно, вопрос о репутации правителя очень важен. Если у него нет нужных качеств, он должен делать вид, что ими обладает. Есть качества, которые иногда даже целесообразнее показывать не имея, чем иметь на самом деле. От правителя обычно требуется быть с виду исполненным милосердия, верности своему слову, искренности, гуманности, благочестия. Но на самом деле иметь перечисленные пять качеств не всегда необходимо. Во всяком случае, если ими обладаешь, «надо так себя воспитать, чтобы, когда они окажутся не нужны, ты мог бы и умел обратить их в противоположные» **. Поэтому всякий правитель должен уметь *simulare* и *dissimulare* — притворяться и скрывать. Прекрасное знание дипломатического искусства, запечатленное во многих *Legazione* (письмах и отчетах Макиавелли, связанных с его дипломатическими командировками) обнаруживается и в этих рассуждениях. *Буржуазное государство несло с собой новую специфическую форму дипломатии*, которая настолько же превосходит феодальную, насколько буржуазная армия превосходит феодальное ополчение. На этой дипломатии должны были сказаться такие специфические черты капитализма, как развитый обмен, как умение лавировать на рынке, как капиталистическая конкуренция. Все эти черты наложили самый яркий отпечаток и на политику, и на мораль Макиавелли. Оттого, что буржуазия революционна, она не теряет своих буржуазных качеств, и рядом с проповедью свободы, равенства, гуманности, уважения к правам человека и т. п. идет фактическое внедрение в жизнь конкуренции, ажиотажа, спекуляции и надувательства. Макиавелли весьма объективно, со спокойной иронией вскрывает все эти специфические черты буржуазной политики и в ответ на вопли негодующих моралистов ссылается на факты — *infiniti esempi moderni* (бесчисленные современные нам примеры), на *verità effettuale della cosa*.

---

* Там же. С. 66 (Р. 109).

** Там же. С. 75 (Р. 116).

Правитель должен во всяком случае *подчинять* свои *религиозные и моральные убеждения* своим *политическим задачам*. Нравственно то, что соответствует интересам нового государства, которое организует *principe nuovo*. Поэтому самое главное для него — уметь использовать обстановку, приспособляясь к меняющимся обстоятельствам, уметь ориентироваться в событиях, пользоваться случаем, чтобы приближаться к своей главной цели. Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа тем и замечательны, что они умели разбираться в сложном переплете случайностей, были *conoscitori della occasione* (знатоки случая) и умели этими случайностями великолепно пользоваться (*la sappiano usare benissimo*) *.

Основное, безусловно необходимое, качество «нового правителя», строящего «новое государство» есть *патриотизм*. Известно, каким горячим призывом к освобождению и объединению Италии, неожиданным для такого трезвого политика и сатирика, как Макиавелли, кончается «II Principe». Этот призыв, который Эдгар Кинэ назвал «*Марсельезой XVI столетия*», буквально исторический. Всю свою жизнь Макиавелли служил идее, выраженной в этом призыве, в течение веков она вдохновляла всех итальянских патриотов и таких друзей Италии, как Гете и Байрон. В течение веков за нее безуспешно боролись массы людей, и только через триста слишком лет она была осуществлена. Идее создания единой Италии должен был служить идеальный итальянский *principe nuovo*, которого долго искал и не нашел Макиавелли. Такой *principe* должен был быть «человеком с сильным духом, не падающим в несчастьях, способным своей энергией и бодростью поддержать дух народа», тогда он, в свою очередь, увидал бы, что «не ошибся в народе и, положившись на него, строил на прочном основании» **. Такова первоначальная, полная еще юной свежести идея объединения Италии.

Макиавелли рассматривает власть нового правителя, строящего новое государство, как власть переходную к буржуазной демократии, он не считает власть эту своим идеалом, не включает ее в свою *программу*, а смотрит на нее как на орудие осуществления и закрепления демократического строя, как на известный *стратегический и тактический план*. Мы в этом окончательно убеждаемся, уяснив себе, что, по Макиавелли, власть *principe nuovo* — *временная власть*. Правда, Макиавелли различает респуб-

* Del modo di trattare i popoli della Valdichiana ribellati // Opere. Vol. II. P. 390.

** Il Principe. С. 44.

ликанскую диктатуру, древнеримскую официальную магистратуру, власть «диктатора», избираемого на срок народом в исключительных случаях для проведения чрезвычайных мероприятий, и власть *principe nuovo* — диктатора, захватившего власть или получившего ее любым путем на неопределенное время и учреждающего новое государство. Учредив новое государство с гражданским равенством, с национальной армией, укрепив его и подавив сопротивление феодалов и Церкви, *principe nuovo* должен уйти от власти и уступить место нормальным, демократически избранным властям.

В цитированной уже 9-й главе I книги «Discorsi» Макиавелли высказывает эту мысль с наибольшей ясностью. «Основатель государства, — говорит он, — должен быть настолько благоразумен и добродетелен, что взятую им власть он не должен передавать другому по наследству, так как люди более склонны ко злу, чем к добру, и наследник его может воспользоваться в интересах личного честолюбия властью, которой сам он пользовался добродетельно (*virtuosamente*). Кроме того, хотя один человек может устроить государство, оно будет недолговечно, если будет сохраняться с помощью одного. Ведь, как мы знаем, государственный строй хорош только в том случае, если его поддерживает и охраняет большинство граждан, вся народная масса. «Масса (*molti*) неспособна учредить государственного порядка потому, что, по различию мнений, никак не может понять его хорошие стороны, но, раз испытал хороший порядок на опыте, она не согласится с ним расстаться» *. Поэтому дальнейшая охрана нового строя должна перейти целиком в руки народной массы.

Макиавелли не идеализирует народ. Он знает, что народ в массе мало сознателен, мало политически развит, иногда непостоянен и робок, люди ведь вообще скорее дурны, чем хороши, а главное, они неспособны обыкновенно ни на большое добро, ни на большое зло. Но тем не менее, если мы возьмем народ в целом, он во всяком государстве лучше, чем меньшинство, чем его часть, будут ли это аристократы, олигархи или даже партия Медичи. Всякая привилегированная группа опасна, так как стремится забрать всю власть в свои руки, в то время как умственные и всякие иные силы ее всегда меньше тех, которыми обладает весь народ в целом. Мы видели, что подобными соображениями Макиавелли обосновывал необходимость демократии.

Мало того. Народная масса уступает единоличному правителю только в одном пункте: она сама не может додуматься до но-

---

* Discorsi. С. 149 (Р. 181).

вовведений и сразу в них разобраться, поэтому основать государство или радикально его реформировать может только одно лицо, *principe nuovo*. Но и он во всей своей деятельности должен, как мы видели, опираться на народ. Во всех остальных отношениях, говоря словами самого Макиавелли, «масса (*la moltitudine*) разумнее и постояннее, чем *principe*». Таково заглавие замечательной 58-й главы I книги «*Discorsi*». Здесь Макиавелли открыто выступает против «всех историков», писавших до него, и — скажем от себя, против большинства писавших после него, — в защиту народа. Он заявляет, что «недостатки, за которые писатели осуждают массу, свойственны людям вообще и больше всего государям» *. Известно ведь, что «правителей государств было довольно много, а добрых и умных было между ними мало» **. С народом дело обстоит иначе. Из истории римлян мы видим, что этот народ, в общем и целом, на протяжении веков поступал правильно: он повиновался властям, когда это нужно было в интересах общей пользы, и восставал против сильных людей, когда они его угнетали ***. Если возьмем любой народ и будем сравнивать его с любым единоличным правителем, то мы должны будем признать, что народ во всех отношениях лучше. Он лучше законодательствует, лучше выбирает магистратов, более рассудителен и постоянен, более объективен, лучше соблюдает договоры и т. д. Проводя систематически это сравнение, Макиавелли дает интересные образцы изучения психологии масс и резко возражает против установившихся в этой области взглядов, неблагоприятных массе, народу, он протестует против ссылок на авторитеты. Для нас, пожалуй, всего интереснее следующее замечание: «Если общее мнение неблагоприятно народу, то это происходит потому, что о нем каждый может злословить беспрепятственно и без страха, даже когда он властвует, о единоличных же правителях приходится говорить с тысячами опасений и тысячами оглядок» ****. Это глубоко верно и для наших времен.

На основании всех этих соображений и своих программных демократических взглядов Макиавелли пришел к выводу, что, если единоличная диктатура нужна для установления нового строя, то она может быть только *пожизненной*, что диктатор, выполнивший свою историческую задачу, должен передать власть народу, который сам лучше справится с дальнейшим

---

* *Discorsi*. С. 253 (Р. 280).

** Там же.

*** Там же. С. 254.

**** Там же. С. 257.

управлением и охраной государства. Именно поэтому в своих советах «новому правителю» он избегает рекомендовать какие-либо меры, способные укрепить его власть как таковую, или вернуть государство к старой наследственной монархии. Поэтому он рекомендует ему не опираться на знать, не устанавливать неравенства, не создавать привилегий, организовать армию из граждан, вооружить народ, опираться на народ, служить его интересам, содействовать его материальному благополучию. Все эти меры способны только подготовить и облегчить переход от единоличной диктатуры к демократии.

Очень ясно высказана мысль о временности единоличной диктатуры в «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze». Предлагая здесь папе Льву X, как вождю партии Медичи, установить во Флоренции сложную систему управления, в которой находят себе место единоличная власть Медичи, буржуазии и простого народа, он очень дипломатично доказывает, что, в конце концов, Флоренция должна быть республикой, так как феодализм здесь упразднен, феодальной аристократии нет, нет также и большого экономического неравенства, народ политически развит, привык к свободе. Если ему приходится выбирать между Медичи и другим правителем, он предпочитает Медичи как своего, но если ему предоставить выбор между избираемым республиканским главой (*capo publico*) и каким бы то ни было единоличным правителем (*capo privato*), он предпочтет первого*. Поэтому после разных деликатных обиняков Макиавелли предлагает Льву X установить во Флоренции пожизненную единоличную власть с тем, чтобы, по смерти единоличного правителя из рода Медичи, Флоренция вернулась целиком к республиканскому строю**. Здесь вновь доказывается невозможность монархии в стране, где нет феодалов. Во Франции, где еще сохранилась феодальная лестница — король, принцы, дворяне, народ — монархия возможна, во Флоренции — нет***.

IV. МАКИАВЕЛЛИ И ТИРАНИЯ

Наше толкование власти *principe nuovo* можно проверить, ответив на два вопроса: во-первых, что, по мнению Макиавелли, следует сделать с *principe nuovo*, если он не уйдет от власти, если его

* Opere. Vol. IV. P. 110.

** Ibid. P. 122.

*** Ibid. P. 112.

диктатура из временной превратится в постоянную, наследственную? Во-вторых, что делать, если в республике появился *principe nuovo* и захватил всю власть в свои руки? У Макиавелли только один ответ на оба эти вопроса: *надо убить тирана*. Тут мы сразу попадаем в полосу тираноборческих идей Макиавелли, связанных с его демократизмом, его наклоном к революционным, крайним мерам, с его ненавистью к феодальной монархии.

Principe, образующий новое государство, становится тираном, если он сделал свою власть наследственной, т.е. использует ее в личных интересах. А основатели тирании настолько же гнусны, насколько добродетельны основатели республики.

Макиавелли осуждает *Цезаря* за то, что он установил единоличную власть в Римской республике. Он — тиран, и нельзя обольщаться похвалами, которые рассыпали ему писатели времен империи, так как они были несвободны*.

Всякий тиран, по мнению Макиавелли, заслуживает смерти. В то бурное время случаи *убийства единоличных правителей* были довольно часты. Еще чаще устраивались *покушения и заговоры*. Поэтому Макиавелли уделяет последним, как обычному средству борьбы против тирана, особенно важное место. Кроме отдельных замечаний в различных работах, Макиавелли включил в «*Discorsi*» целый трактат «*О заговорах*» (6-я глава III книги). Для того чтобы исчерпать его содержание, нужно специальное исследование, тем более, что он своими корнями уходит глубоко в заговорщические движения античного мира, суммирует опыт многих современных Макиавелли переворотов и служит руководством для его продолжателей. Мы попытаемся характеризовать здесь только важнейшие мысли Макиавелли по вопросу о заговорах, при том лишь в той мере, в какой они связаны с вопросом о единоличной диктатуре и о смене ее устойчивым демократическим строем.

Глава о заговорах у Макиавелли — одно из таких мест его сочинений, которые могут быть использованы и против единоличного правителя и в его пользу. Сверх того, заговор может быть устроен не только против тирана, но и против диктатора, организующего новое государство. Поэтому писать о заговорах Макиавелли было очень трудно, тем более, что он сам испытал на себе, что значит быть заподозренным в заговоре, считал этот способ борьбы очень рискованным и отчасти, по-видимому, имел намерение предупредить молодежь относительно опасности увлечения

---

* *Discorsi*. С. 151—152. Вспомним, как в XIX веке проповедники «демократической монархии» превозносили Цезаря (ср. Моммзен).

заговорами. Макиавелли изучает, главным образом, заговоры, имеющие целью *освободить отечество от власти захватчика-тирана*. Этой цели Макиавелли, конечно, вполне сочувствует. Таковы были заговоры Брута и Кассия против Цезаря и многие другие античные заговоры. Против такого заговора у тиранов единственное средство — отказ от тирании; но так как никто из них этого не сделает, то они, по большей части, плохо кончают. По словам Ювенала, немногие тираны умирают без пролития крови — «сухой смертью» *. Макиавелли повторяет мнение античных писателей, что редко можно встретить старого тирана.

В другом месте «Discorsi» Макиавелли указывает, что в крайнем случае у тирана есть еще два средства предотвратить заговоры. Первое — приобрести популярность в народе, истребив аристократов или вообще всех тех, кто до него угнетал народ. Так поступил Клеарх в Гераклее, «изрубив в куски всю знать к величайшему удовлетворению народа и его сторонников» **. Второе средство — ограничить тиранию. Тиран должен уяснить себе, что только немногие из среды народа ищут власти, большинство желает свободы, чтобы жить в безопасности. Первых можно лишить жизни или удовлетворить разными почестями, что же касается большинства народа, его легко удовлетворить учреждениями и законами, которые могли бы «согласить власть *principi* со всеобщей безопасностью».

Если народ убедится, что *principi* не нарушает этих законов, народ успокоится. И Макиавелли приводит в пример Францию, где власть короля ограничена «бесчисленным множеством законов» ***. Мы видим, что в последнем случае Макиавелли вновь сводит вопрос к *уничтожению единоличной диктатуры*. Если тиран не уходит от власти, сделав свое дело, он может спасти себя только ограничением власти, т. е. заменой диктатуры чем-то вроде конституционной монархии.

Возвращаясь к *заговорам*, отметим следующие указания Макиавелли, касающиеся их организации и успешного осуществления. Организовать заговор должны люди, имеющие доступ ко двору или личные друзья государя. Нужно очень осторожно подбирать заговорщиков. Это трудно, потому что заговор — труднейшее предприятие, и человек, испытанный во всех отношениях, может спастись, когда дело дойдет до осуществления заговора. Поэтому нужно привлекать к участию в заговоре как можно мень-

* Discorsi. С. 380 (Р. 400).

** Там же. С. 169 (Р. 201).

*** Там же. С. 169—170 (Р. 201).

ше людей. Тайну заговора можно сообщить только трем-четырем лицам, остальным можно ее сообщать только в самый момент приведения его в исполнение, «чтобы не дать им времени выдать заговор». Лучше даже доверяться только одному лицу, так как, если оно выдаст, можно отпереться. Надо как можно тщательнее избегать опасной переписки. Не следует быстро менять план заговора, потому что это может запутать участников. Нужно очень обдуманно выбирать исполнителей самого предприятия, не полагаясь слишком ни на кого, как бы ни была известна храбрость каждого данного человека.

Заговор имеет одно ценное достоинство, что «у единоличных правителей нет ничего более враждебного, чем заговор; поэтому, если есть заговор на их жизнь, он или губит их или позорит. Если он удастся, они умирают, если он открывается и гибнут заговорщики — все остаются в убеждении, что это была выдумка самого правителя, стремившегося утолить свою жадность и жестокость кровью и имуществом казненных»*.

Главу о заговорах Макиавелли заканчивает советами республикам и правителям, как подавлять заговоры, потому что в числе последних есть и такие, которые устраиваются во вред государству; некоторые из них Макиавелли прямо называет скверным делом (*cattività*). Прежде всего надо хорошо выяснить характер заговора. Затем, если он силен, не показывать вида, что ты его раскрываешь, пока не подготовишь все к его подавлению. Не надо грозить заговорщикам или арестовывать кого-нибудь раньше времени, потому что этим можешь вызвать их выступление. Если заговор слаб, надо немедленно его раздавить. Не следует применять двух испытанных способов (*termine usati*): во-первых, казнить доносчиков, чтобы показать, что ты не веришь в возможность заговора, во-вторых, позволять кому-нибудь «притворно устраивать против тебя заговор», чтобы проверить ненадежных лиц. Оба способа опасны: первый устрашает всех доносчиков и способствует тому, что заговор не раскрывается и достигает цели, второй приводит к тому, что сами провокаторы обращаются в настоящих заговорщиков и тоже достигают легко своей цели.

Несмотря на все эти, действительно, очень разумные и дельные советы, Макиавелли считает заговорщическую тактику слишком *опасной* и *трудной*. С чувством какой-то досады пишет он, давая свои советы, что «люди обыкновенно мало смыслят в делах и делают величайшие ошибки, особенно в таких как это,

---

* Discorsi. С. 397 (Р. 417).

которое является наиболее исключительным (*istraordinario*)» *. А в то же время тираны, «дурные правители (*i principi non buoni*), всегда боятся, что против них замышляется то, что они вполне заслужили своими поступками» **. Поэтому Макиавелли вновь и вновь призывает организаторов заговоров к величайшей *осторожности*. Отсюда мы приходим к выводу, что Макиавелли считал этот способ борьбы применимым лишь в исключительных случаях, а именно тогда, когда открытая борьба против единоличного правителя совершенно невозможна. Здесь выступает опять та же мысль об *открытой и смелой политике*, которая, в конце концов, лучше всякой другой.

Описывая в своей «Истории Флоренции» различные заговоры и выступления масс, Макиавелли подтверждает свою оценку заговорщицких методов обширным фактическим материалом ***. Но он указывает, что иногда заговоры идут на пользу тому, против кого они устраиваются, в случае их неудачи он выходит из дела еще более сильным.

Подробному и очень интересному анализу подвергает Макиавелли в 8-й книге «*Storie Fiorentine*» заговор Pazzi, в результате которого был убит в церкви во время богослужения Джулиано Медичи и ранен Лоренцо Великолепный. Известно, что во время этого заговора, точно так же, как и заговора Cola в Милане, кончившегося убийством тамошнего герцога Галеаццо Сфорца, заговорщики рассчитывали на *восстание народа*. Они хотели убить тирана во имя народа, они мечтали о вечной славе освободителей отечества. Один из участников заговора Cola Джироламо Ольджати, во время казни сказал будто бы под топором платыни: «*Mors acerba, fama perpetua, stabit vetus memoria facti*» («Смерть жестока, слава вечна, память о нашей поступке сохранится надолго»).

Макиавелли обращает особое внимание на то, что в обоих случаях народ не поднялся на помощь заговорщикам. Напрасно сторонники Пацци в момент нападения на Медичи кричали: «Народ! Свобода!». Народ не восстал. «Богатство и щедрость Медичи сделали народ глухим, а свобода была неизвестна во Флоренции»; олигархическое правление Медичи не давало возможности народу узнать, что такое свободная жизнь ****.

* Там же. С. 386 (Р. 406—407).

** Там же. С. 388 (Р. 408).

*** См.: *Storie Fiorentine* // *Opere*. Vol. II. P. 123, 166.

**** *Ibid.* P. 218.

По-видимому, совершенно иначе, чем к заговорам, относился Макиавелли к *восстанию* как методу политической борьбы. В своей истории он оставил нам описание нескольких восстаний во Флоренции и других итальянских государствах. Наибольший интерес представляет описание восстания чомпи. Путь массового движения, массового выступления — естественный путь для всякого государства, поскольку оно порывает с феодальным строем и переходит к буржуазной демократии. Этот путь, вообще говоря, и наиболее целесообразен, потому что только в столкновении классов, в их борьбе рождается политическая свобода, и народ сам должен устраивать свою судьбу. Макиавелли понимает значение *организации и руководства*, в «Storie Fiorentine» он показывает, как *подготавливаются* народные движения, в «Discorsi» он говорит о том, что восставшая народная масса должна сейчас же сделать кого-нибудь из своей среды вождем (ha subito a fare infra sè medesima un capo)*. Этот вождь должен быть выдвинут *из самого народа*, причем Макиавелли все время полагает, что естественными вождями народа должны быть представители *буржуазии*. Такой вождь, приобретая авторитет и силу, может стать затем *principe nuovo*, если народ совершит революцию и будет создавать новый политический строй. Здесь Макиавелли намечает формы политических движений, свойственные революционной буржуазии эпохи XVI—XVIII веков в Западной Европе. Несмотря на все отличие нашего времени от той эпохи, иногда он вполне современен. Приведем, например, его совет в «Discorso sopra il riformare lo stato di Firenze», которое мы уже цитировали. Предлагая там обязательно установить выборность народных советов, он рекомендует уполномочить для подсчета голосов специальных лиц, которые могли бы секретным порядком подсыпать нужное количество избирательных бюллетеней в урны (мешки) с именами лиц, угодных правительству, не имея в то же время права вынимать бюллетени из урн. А чтобы народ был уверен, что бюллетени с именами, написанными им, положены в урну, он может избрать от себя уполномоченных для присутствия при подаче бюллетеней**. Можно подумать, что современные американские деятели избирательных кампаний обучались своему ремеслу немало и у Макиавелли.

Такова была теория диктатуры Макиавелли, предполагающая полное преобразование феодального общества в буржуазное. Поэтому с полным правом мы можем рассматривать его как бли-

---

* Discorsi. С. 252 (Р. 279).

** Opere. Vol. IV. P. 117.

жайшего предшественника буржуазных революционеров XVII—XVIII веков, которые в борьбе против остатков феодализма пытались осуществить революционную диктатуру.

История, как мы знаем, пошла не так быстро и не так прямолинейно, как представлял себе флорентийский секретарь.

Буржуазная революция в Италии была разбита католической реакцией. В других странах она пошла путем реформации, т. е. компромисса между феодальным и буржуазным обществом. Только в XVII и XVIII вв. буржуазия пытается произвести радикальный буржуазный переворот в том смысле, как это понимал Маркс в характеристике революций того времени. Диктатура *principe nuovo* фактически осуществлялась в форме абсолютизма. Он обладает некоторыми чертами революционной буржуазной диктатуры в самом начале, в момент борьбы против феодалов и католической Церкви за интересы торгового капитала, но скоро он обращается в типичное выражение феодально-капиталистического компромисса, в полуфеодальную дворянскую, крепостническую монархию XVII—XVIII веков. Тогда советы Макиавелли используются монархической диктатурой в ее собственных интересах, и тем самым создается благоприятная почва для легенды о Макиавелли-монархисте, защитнике тирании.

Политическая теория Макиавелли иногда груба, примитивна, его философские и социологические взгляды страдают некоторым рационализмом, замкнуты в рамки учения о неизменности человеческой природы и об общественных круговоротах, но это не должно мешать нам видеть самое ценное, что у него есть: первоначальную формулировку теории буржуазной революционной диктатуры.

